

Коробкова Т.В.

Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова,
г. Актобе, Республика Казахстан
E-mail: korobkovavasya@mail.ru

О ДУШЕ, ЗАПРЯТАННОЙ В ФУТЛЯР

В данной статье анализируется образ главного героя рассказа В.А. Пьецуха «Наш человек в футляре». Текст рассматривается как литературная пародия современного писателя, ведущим принципом которой является интертекстуальность. При этом чеховские реминисценции трактуются как внешние, не затрагивающие идейный пласт произведения, а главный персонаж как человек совершенно иной эпохи, личность иного духовно-нравственного склада.

Исследуются причины страха главного героя, имеющие как биологические и экзистенциальные, так и социально-политические корни. В ходе анализа рассказа автор приходит к выводу, что страхи Серпеева – это страхи всего российского общества. При сравнении героев А.П. Чехова и В.А. Пьецуха выявляется, что на фоне Беликова образ Серпеева живой и теплый, а его «футляр» – лишь попытка нравственного (не физического) самосохранения.

В статье проводится параллель не только между образами Серпеева и Беликова, но и между главным героем и автором рассказа. В.А. Пьецух, используя местоимение «наш» в названии рассказа, говорит не только о своем современнике, но и человеке близком по духу, чье «офутляривание», возможно, единственный способ интеллигентного человека сохранить духовность, заложенную русской классической «светлой» литературой.

Также в статье уделяется внимание стилистическим приемам писателя, направленным на создание эффекта иронии в рассказе.

Ключевые слова: страх, ирония, реминисценция, интертекстуальный анализ, «офутляриться», душа, самоизоляция, В.А. Пьецух.

Писатель В.А. Пьецух вошел в литературу в эпоху гласности и уже более 30 лет создает свои уникальные произведения. Им опубликовано 22 книги, большинство из которых написаны в жанре эссе (довольно редком в современной литературе). Критики и литературоведы, пытаясь определить творческий метод писателя, причисляли его к «новой волне», «альтернативной литературе» или «ироническому авангарду». Сам же автор определяет его как «иронический реализм». Тема творчества современного писателя – загадка русской души, особенности русского национального характера.

Рассказ В.А. Пьецуха «Наш человек в футляре» был создан в 1989 году и вошел в цикл «Чехов с нами», который включает пять рассказов: «Наш человек в футляре», «Дядя Сеня», «Д. Б. С.», «Колдунья», «Крыжовник». Позже писатель вводит «Наш человек в футляре» в книгу «Плагат». В цикле «Чехов с нами» автор, как и во всем своем творчестве, рассуждает о роли и месте литературы, подчеркивая, что без литературы жизнь не может быть полноценной, а человек образованным и нравственным.

Обращение В.А. Пьецуха к наследию «величайшего художника» неслучайно. А.П. Чехов, по его мнению, всегда был совершенным, особым писателем «и жил прекрасно, и писал пре-

красно», так что и «придраться было не к чему» [5, с. 11]. Рассуждая о творчестве любимого писателя, в своем интервью В.А. Пьецух говорит: «это бесконечный источник наслаждения и такого высокого эстетического чувства, что это не может наскучить, это не может иссякнуть, это никогда не перестанет питать, волновать, награждать ни за что, что самое интересное» [3].

В.А. Пьецух объясняет свое обращение к наследию русских классических писателей стремлением «надерзить... предпочтительно на их собственном материале, желательно устами их же персонажей и по возможности тем же самым каноническим языком...» [6, с. 4]. В данном случае речь идет о литературной пародии В.А. Пьецуха, ведущим принципом которой выступает интертекстуальность. Как справедливо отмечает Ю.Г. Пыхтина, автор «сознательно моделирует интертекстуальное пространство», создавая художественное произведение, построенное на нарочитом несоответствии стилистических и тематических планов художественной формы с классическим объектом пародии [8, с. 169].

В результате писателю удается найти новый образ современного «человека в футляре». Не зря он выносит в заглавие рассказа местоимение НАШ, тем самым показывая, что явление «фут-

лярности» существует, но несколько в другом облики. Используя чеховскую реминисценцию, В.А. Пьецух уже в самом начале рассказа показывает, что учитель русской литературы Серпеев, в отличие от Беликова, который боялся выборочно, боялся «почти всего: собак, разного рода привратников, милиционеров, прохожих, включая древних старух, которые тоже могут походить оболгать, неизлечимых болезней, метро, наземного транспорта, грозы, высоты, воды, пищевого отравления, лифтов, – одним словом, почти всего, даже глупо перечислять» [6, с. 45]. Дополняя в каждом новом абзаце список страхов своего героя, автор убеждает читателя в том, что все они вполне обоснованы: с раннего детства Серпеев начал бояться смерти, так как «горе-отец его уведомил, что-де все люди имеют обыкновение умирать, что-де такая участь и Серпеева-младшего не минует», и насилия, поскольку «его частенько лупили товарищи детских игр»; в юности испугался голода, простояв «три часа в очереди за хлебом»; в студенческие годы – женщин, из-за слишком активного внимания «чудом влюбившейся в него сокурсницы по фамилии Годунова» и т. д. [6, с. 45]. Причем во всей богатой палитре страхов Серпеева есть как биологические (боязнь насилия, воды, высоты, неизлечимых болезней, собак и др.) и экзистенциальные (боязнь смерти), так и социально-политические страхи (боязнь милиционеров, повесток в почтовом ящике, анонимных доносов, народного суда). Скорее всего, последние страхи связаны с предшествующими тотальными репрессиями, арестами, спецлагерями, которые пришлось пережить всему советскому народу, и с которыми прекрасно был знаком сам В.А. Пьецух, живший в эту эпоху. Особенность пьецуховского героя в том, что он страдает от всех возможных человеческих страхов разом: «В конце концов Серпеев весь пропитался таким ужасом перед жизнью, что принял целый ряд конструктивных мер, с тем чтобы, так сказать, офутляриться совершенно» [6, с. 46].

Автор словно кальку накладывает на чеховский сюжет свой, повторяя, казалось бы, многие сюжетные линии. Читатель уже предвидит второй конец Беликова. Но для В.А. Пьецуха это слишком просто, его ирония не достигла бы цели, если бы все было так ожидаемо. Автор создает своего, нового героя, который совер-

шенно не похож на чеховского. Реминисценция в рассказе «Наш человек в футляре» внешняя.

Несмотря на все страхи, учитель Серпеев смеет думать иначе (он ведь и боится по-другому, отлично от Беликова), потому что думать как все, он не может: «пришло на мысль, что это они все чуточку не в себе, а он-то как раз в себе» [6, с. 46]. Беликов, живя, уже как бы мертв, он даже обучает гимназистов мертвому древнегреческому языку. Герой В.А. Пьецуха будучи закрытым от окружающих, все же живой, теплый персонаж, и детям он несет знания о светлой литературе 19 века, прививая любовь к ней: «подошел середнячок Парамонов и сказал, что он не представляет себе жизни без его уроков литературы» [6, с. 47]. При этом он дает не избитые программные знания, которые как клише, вынуждены повторять из года в год учителя литературы, а «самовольно» говорит еще о неизвестной многим читателям литературе, о творчестве «малых поэтов 19 века».

Герой рассказа блаженствует при чтении любимых книг, впитывая всю их духовность и человечность: «...брал в руки какую-нибудь светлую книгу, написанную в прошлом столетии, когда только и писались светлые книги, ложился в неглиже на диван и ощущал себя счастливым без примера, каких еще не знала история российского человечества» [6, с. 46]. Даже то, что он читал эти книги в полуодетом виде, – это, если обратиться к символике античности, указание на «уязвимость, невинность, свободу, правду» [3].

Серпеев, в какой-то степени, отражает взгляды самого В.А. Пьецуха, в частности, любовь главного героя рассказа к русской литературе 19 века: «...и он по-прежнему учил их, если можно так выразиться, душе, опираясь главным образом на светлую литературу 19 столетия» [6, с. 47]. Писатель в своих интервью неоднократно указывал на то, что в данное время нет хорошей литературы, поэтому нужно «только перечитывать классиков» [3].

С одной стороны, Серпеев схож с чеховским Беликовым, с другой – он более человечен, так боясь ночных звуков, он переживает не за себя, а за то, что «у него не было сил, если что, поспешить на помощь» [6, с. 46]. Он «учит детей душе», но для этого нужно самому ее иметь.

Чеховский Беликов живет только для себя, а герой В.А. Пьецуха, будучи «порядочным человеком», не может «оставить детей на тех злых шалопаев, которые почему-то так и льнут к нашим детям и которые, на беду, составляют большинство учительства в его школе» [6, с. 46]. Читая рассказ, мы несколько раз встречаем фразу: «вот только детей было жаль» [6, с. 46]. Одной фразой писатель иронизирует над всей системой советского образования, указывая, что «злые шалопаи» убивают и калечат души детей, заставляя их всех жить по единым правилам, учить только то, что предусмотрено. И, как замечает писатель, «на беду» таких учителей большинство, а таких как Серпеев считают «чутью не в себе». Поэтому, исходя из общепринятой логики, пьяный учитель рисования «с настоящей алебардой и слепым голубем на плече» [6, 46] – нормален, а ранимый, закрытый, непонятый, несущий светлый мир литературы Серпеев – ненормален.

«Наш» герой «посмел» в те годы иметь свое мнение, инакомыслить, так, он преподает не предусмотренные программой произведения, не желая следовать «глупой плановой теме», читает «не совсем удобный, хотя и прелестный стих», хотя прекрасно понимает, чем обернется для него подобное своеволие «в заключение [проверяющая] твердо сказала, что в школе ему не место» [6, с. 46]. Невзирая на все свои страхи, он не умеет приспособливаться: «Серпеев был не такой человек, чтобы немедленно перестроиться, да и не желал он перестраиваться на виду у целого класса» [6, с. 46]. Его тяготит сама общественная система. Для героя было освобождением, когда его уволили из школы: «...у него как гора с плеч свалилась, до такой степени он почувствовал себя выздоровевшим, что ли, освобожденным» [6, с. 46]. Вырываясь из лап системы, учитель Серпеев будто выходит из тюрьмы. Но система просто так не отпускает, она проходит трактором по утонченной душе персонажа. Он как бабочка, которую смяли гусеницы агрегата.

Кажется, что в образе Серпеева, писатель показывает все советское общество, общественно-социальное устройство СССР перед эпохой перестройки. И «футляр» Серпеева – это «футляр» всего Советского Союза, закрытого на сто замков от всего внешнего мира, что впрочем, если вспомнить историю,

соответствовало действительности. Страхи Серпеева – это страхи всего советского народа. И некий маленький протест нашего героя: нежелание подчиняться тупой программе, организация внешкольного курса словесности у себя дома – это протест, который рождался в недрах всей страны. Внешний «футляр», своеобразная отгороженность от всего враждебного мира, были практически у каждого мыслящего, интеллигентного человека в СССР. Протест против системы выражался в настроениях и выступлениях диссидентов, в авторских песнях Б. Окуджавы и В. Высоцкого, а далее в произведениях и выступлениях А. Солженицына и А. Сахарова. Довольно часто этот протест, эта правда звучали в речах самых обычных людей, как в словах пьецуховского героя «середнячка Парамонова», который, заявляя «я человек конченный», не боится прийти к любимому учителю и предупредить о доносе на него [6, с. 47].

В мысли о том, что В.А. Пьецух пишет не только об одном человеке, а обо всей стране, утверждает сообщение середнячка Парамонова: «...нам велели на вас заявление написать. Что вы на дому распространяете чуждые настроения» [5, с. 47]. Вот она – система доносов и арестов, тот страх, на которых держалась долгие годы вся система советской власти. Автор даже не называет того, кто заставил детей написать донос, потому что подразумевается вся страна. Все боялись быть «оболганными», боялись попасть в эти страшные жернова. В повествовании несколько раз говорится о том, что Серпеев боится этого: «боялся...древних старух, которые тоже могут походить оболгать...»; «Годунова могла как-нибудь ошельмовать его перед комсомольской организацией»; «учителя... (могли) написать анонимный донос» [6, с. 45–46].

В.А. Пьецух относится к писателям, которые «кусают, смеясь» [2], поэтому он не был бы самим собой, если бы иронично не заметил, что его герой «сорок восемь часов подряд ожидал ареста, а на третьи сутки с ним приключилась сердечная недостаточность, и он умер» [6, с. 47]. И не удивительно, так как подобного ареста долгие годы ожидала вся страна. Серпеев – жертва системы, и именно поэтому, когда его хоронили, то «учителя Серпеева все жалели» [6, с. 47].

Автор рассказа иронично подчеркивает, что Беликов «был сильная личность», а Серпе-

ев же «был слаб». Выходит, что порядочность, утонченность, интеллигентность («ребенком он был... интеллигентным, и поэтому его частенько лупили товарищи детских игр» [6, с. 45]) принимаются окружающими за слабость. В.А. Пьецух предвидел наступление века напористых и наглых «хамов» (время перестройки).

Пьецуховский Серпеев отличен от чеховского Беликова, и сам писатель указывает на этот факт, дважды в рассказе используя фразу: «Нет, все-таки жизнь не стоит на месте» [6, с. 45, 47]. В.А. Пьецух видит и показывает значительные перемены, происходящие в стране, обществе, поэтому слово «наш» в названии рассказа – это, прежде всего, указание на нашего современника, разделяющего наши убеждения.

Скрытым и первостепенным для понимания образа Серпеева видится все же не слово «страх», а слово «душа». В постижении русского человека, русской ментальности понятие «душа» играет важнейшую роль. Учитель литературы учит детей душе. Это и есть основная идея рассказа. Не истребить, а сохранить, наполнить души детей вечным и духовным – вот самое главное. Если каждый маленький человек сохранит кусочек русской души, то она не затрется, не потеряется в современной погоне за материальными благами. Чеховский Беликов, подчиняясь обстоятельствам, теряет все подлинно человеческое. Его душа мертва. А Серпеев сохранил сердце и душу, не смотря на все свои многочисленные страхи. Его так называемое «офутляривание» – это способ оградить свой внутренний мир от пошлости, насилия, невежества, бездуховности реальной жизни.

Это и есть та идея, которую пытается донести до читателей автор. Сколько ее не изводи, не запугивай, а русская душа живет. Она живет в русской литературе, в людях. В.А. Пьецух никогда ничего не говорит случайно. Единоразы употребив в рассказе «учил... душе» [6, с. 47], он заставляет обратить на это внимание. Чаще всего у писателя что-то побочное, неявное является главным.

Стиль В.А. Пьецуха отличается нарочитым синтезом высокой лексики и просторечий, порой даже в одном предложении. Так, например, в одном предложении о Беликове говорится «*сильная личность*» (книжный стиль), а далее следуют просторечные выражения *застрашал, пугатель-*

ные идеи. В этом же предложении по отношению к Серпееву употребляется устаревшее книжное *манкировать не дано*, и рядом просторечное *исхитрялся увильнуть*. Соединение высокого и низкого и создает тот эффект иронии, которым пропитана вся ткань рассказа «Наш человек в футляре». При этом, возможно, использование устаревших слов характеризует нечто устаревшее и уходящее. Да, страх есть, он жив в россиянах, но он отличен от страха эпохи Беликова.

Для понимания героя В.А. Пьецуха важным является обращение ко всяческим отступлениям и пояснениям, которые автор мог бы и избежать, но они не выглядят в тексте излишними. Для примера возьмем предложение, в котором соединены многие пьецуховские стилистические приемы: «Стоило ему по дороге из школы домой или из дома в школу (*можно обойтись одним словом «по дороге», но В.А. Пьецух показывает насколько мучительна была для героя дорога в любой конец следования*) встретить человека с таким лицом, что кажется, вот-вот съездит по физиономии (*употребление в одном предложении слов-синонимов «лицо-физиономия» указывают насколько уничижительно Серпеев относится к себе*), съездит ни с того ни с сего, а так ради увеселения (*пояснения автора, объясняющие страх героя*), как Серпеев весь сразу смягчал и покрывался холодным потом (*как многие интеллигентные люди герой бессилён перед насилием*)» [6, с. 45].

Несмотря на то, что рассказ во многом пересекается с чеховским, герой В.А. Пьецуха лишь внешне схож с Беликовым. Важным для понимания образа Серпеева является высказывание автора: «Главной жизненной задачей каждого культурного человека – и сейчас, и ранее – является самоизоляция от российской действительности. Так было при всех режимах. И мне решительно не важно, какие жизненные ценности сейчас доминируют среди господствующего поколения» [1]. Таким образом, «офутляривание» Серпеева – это самоизоляция от общества по В.А. Пьецуху. Только так можно духовно, не истратив себя на бытовые мелочи, не очерстветь душой и остаться интеллигентным, тонко чувствующим человеком. И главный герой, и автор рассказа, пытаются спрятаться от внешнего мира: В.А. Пьецух в деревне Устье Зубцовского района Тверской об-

ласти, где живет по полгода, а Серпеев в своей квартире («на входную дверь он навесил чугунный засов, а стены, общие с соседями, обил старыми одеялами») или за диоптриями очков («ходил в очках с незначительными диоптриями, чтобы только ничего страшного в лицах не различать») [6, с. 46].

Образом Серпеева автор как бы иллюстрирует свое отношение к России: «Я не люблю Россию. Но все остальное пространство я люблю еще меньше... Мне глубоко омерзительна российская действительность. Но Бог нам дал высочайшую литературу, русскую женщину, наш стиль человеческого общения, россий-

ского интеллигента» [4]. В.А. Пьецух заявляя, «...цвет и надежда нации – это все равно интеллигент, в том числе квалифицированный читатель... именно он движет общество и создает то, чем оно дышит» [1], считает, что именно интеллигенция способна сохранить духовность, образованность российского общества.

В рассказе писателя, несмотря ни на что, звучит надежда на светлое будущее обычного российского человека, при всех его достоинствах и недостатках, поэтому так символична пьецуховская фраза: «в конце XX столетия учителя Серпеева все жалели...» [6, с. 47].

26.04.2017

Список литературы:

1. Алехин, А. Писатель против часовой [Электронный ресурс] / А. Алехин // Интервью Вячеслава Пьецуха журналу Эксперт от 21.04.2008. – Режим доступа: library.izhgsha.ru.
2. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. / М.М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 423 с.
3. Грандова, Е. Вячеслав Пьецух: «Счастливейший из смертных – это я»: Интервью с Вячеславом Пьецухом / Е. Грандова // Культура. – 1998. – №13 (7124).
4. Ларина, К. Книжное казино [Электронный ресурс] / К. Ларина // Интервью с Вячеславом Алексеевичем Пьецухом на радио Эхо Москвы от 23.04.2006. – Режим доступа: echo.msk.ru/news/1703766-echo.html.
5. Михина, Е.В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елена Владимировна Михина. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
6. Рябцев, А. Писатель Вячеслав Пьецух: «Наворовал. Купил «Ламборгини». А дальше? Это теперь главный русский вопрос!» [Электронный ресурс] / А. Рябцев // Интервью с Вячеславом Алексеевичем Пьецухом газете Комсомольская правда от 22.07.2008. – Режим доступа: <http://www.msk.kp.ru/daily/24133/3530>.
7. Петухова, Е. Чеховский текст как претекст (Чехов – Пьецух – Буйда) / Е. Петухова // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания / Науч. совет РАН «История мировой культуры», Чехов. комис; отв. ред. А.П. Чудаков. – М.: Наука, 2007. – С. 427–434.
8. Пыхтина, Ю.Г. Модель интертекстуального пространства в художественной литературе / Юлиана Григорьевна Пыхтина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – №3 (21). – 2013, часть 2. – Тамбов: Грамота. – С. 167–171.
9. Пыхтина, Ю.Г. Модель социального пространства в русской литературе: от «Человека в футляре» АП Чехова к «Нашему человеку в футляре» В.А. Пьецуха / Юлиана Григорьевна Пыхтина // Вестник Оренбургского государственного университета. – №11 (147). – 2012. – С. 33–39.
10. Пьецух, В.А. Низкий жанр. Рассуждение о писателях / В.А. Пьецух. – М.: Культура, 1991. – 22 с.
11. Пьецух, В.А. Плагиат / В.А. Пьецух. – М.: НЦ ЭНАС, 2006. – 304 с.
12. Середаш, Л. Человек в футляре – футляр в человеке (Анализ рассказа А.П. Чехова) / Лоренц Середаш // Slavica tergestina. – 1994. – №2. – С. 33–54.
13. Чехов, А.П. Человек в футляре / А.П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. – Т. 10: Рассказы, повести 1898–1903. – М.: Наука, 1977. – 496 с.

Сведения об авторе:

Коробкова Татьяна Васильевна, старший преподаватель кафедры русской филологии и межкультурной коммуникации Актобинского регионального государственного университета им. К. Жубанова
030000, Казахстан, г. Актобе, пр-т Алии Молдагуловой, 34, ауд. 220, т. (7132) 571385,
e-mail: korobkovavasya@mail.ru